

Судебное производство по уголовным делам

**Ольга Александровна
Мядзелец,**
судья Второго
кассационного суда общей
юрисдикции,
кандидат юридических наук
myshkin.o@mail.ru
121357, Россия, г. Москва,
ул. Верейская, д. 29, стр. 34

Когда суды станут признавать самостоятельность предусмотренного ч. 3 ст. 133 УПК РФ основания возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения?

Аннотация. Актуальность исследования связана с неопределенностью уголовно-процессуального законодательства в части признания за некоторой категорией лиц права на возмещение вреда. На основе положений ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ осуществлен анализ нормативного комплекса, при помощи которого в судебной практике должно обеспечиваться возмещение вреда лицам, причиненного неправомерным применением к ним мер процессуального принуждения. Отдельное внимание уделено судебным делам, содержание которых выявляет проблемы установления оснований возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения. Сделаны выводы, что право на возмещение вреда в порядке реабилитации имеют только участники уголовного судопроизводства, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям, либо незаконно подвергнутые принудительным мерам медицинского характера, а равно иные лица, незаконно подвергнутые мерам процессуального принуждения. Таким образом, перечень лиц, имеющих право на реабилитацию, является определенным и не подлежащим расширительному толкованию.

Ключевые слова: вред, возмещение вреда, гражданин, меры процессуального принуждения, уголовный процесс, гражданское судопроизводство.

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1.142-148

Olga A. MIADZELETS,

Judge of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction,

Cand. Sci. (Law)

myshkin.o@mail.ru

29/34, ul. Vereyskaya, Moscow, Russia, 121357

**When will the courts recognize the independence
of the grounds for compensation for damage caused
by the illegal use of procedural for in Part 3 of Article
133 of the Code of Criminal Procedure
of the Russian Federation?**

Abstract. *The uncertainty of the criminal procedure legislation regarding the recognition of the right to compensation for harm for a certain category of persons gives rise to the relevance of the study of this issue. Based on the provisions of part 3 of Article 133, Article 139 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, an analysis of the normative complex has been carried out with the help of which, in judicial practice, compensation for harm to persons caused by the unlawful application of procedural coercion measures to them should be ensured. Special attention is paid to court cases, the content of which reveals the problems of establishing the grounds for compensation for damage caused by the illegal use of procedural coercion measures. It is concluded that only participants in criminal proceedings, criminal prosecution against whom has been terminated on rehabilitative grounds, or illegally subjected to compulsory medical measures, as well as other persons illegally subjected to procedural coercion measures, have the right to compensation for harm in rehabilitation. Thus, the list of persons eligible for rehabilitation is definite and not subject to broad interpretation.*

Keywords: *harm, redress of harm, citizen, measures of procedural coercion, criminal proceedings, civil proceedings.*

Уникальность предписаний, предусмотренных ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, нахождение их в главе 18 УПК РФ «Реабилитация», в действительности мало что имеющих общего с возмещением вреда реабилитированным, отсутствие официального и доктринального толкования указанных норм затрудняют правильное понимание судьями ситуаций, когда государство берет на себя юридическую ответственность перед участниками уголовного судопроизводства за качество расследования и рассмотрения уголовных дел¹.

Это выражается в многочисленных судебных решениях, в которых предписаниям ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ придается факультативное, вспомогательное значение и за ними не признается самостоятельных основания и порядка возмещения вреда, причиненного участникам уголовно-процессуальных отношений

¹ Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022. С. 368—404.

ненадлежащим ведением уголовного судопроизводства. В подтверждение сказанного обратимся к следующим примерам из судебной практики.

1. Первое дело интересно и показательно прежде всего тем, что суды, принимая в рамках движения данного дела по стадиям, признают самостоятельность положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ о праве на возмещение вреда в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ, любого лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, и не растворяют его в нормативном регулировании возмещения вреда реабилитированным.

Так, В. обратился в суд с ходатайством, в котором просил признать за ним право на реабилитацию в связи с незаконным содержанием под стражей с 15 июня по 31 декабря 2009 г. по отмененному вышестоящим судом постановлению Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 15 июня 2009 г. об отмене условно-досрочного освобождения.

Постановлением Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 12 декабря 2017 г. в принятии такого ходатайства осужденного отказано по мотиву отсутствия предмета рассмотрения. При этом судом в обжалуемом постановлении фактически сделаны выводы об отсутствии оснований для удовлетворения ходатайства осужденного, т.е. заявление В. рассмотрено, по существу, без проведения судебного разбирательства. Отменяя приведенное постановление, суд апелляционной инстанции указал на смысл положений ч. 5 ст. 135 УПК РФ, ч. 1 ст. 138 УПК РФ, п. 1 ст. 397 УПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ, согласно которым на разрешение вопросов, связанных с возмещением вреда реабилитированному и восстановлением его прав, распространяются положения ст. 63 УПК РФ о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела, что направлено на обеспечение конституционного права на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом, поскольку при определенных обстоятельствах участие судьи в двух разбирательствах по поводу одних и тех же событий может поставить под сомнение его непредвзятость.

Аналогичная позиция по данному вопросу сформулирована Конституционным Судом РФ в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко», где разъяснено, что если судья ранее высказал позицию о наличии обстоятельств, не предполагающих реабилитацию, то возникает почва для переоценки доказательств, конфликта интересов и оправданных сомнений в способности такого судьи объективно и непредвзято разрешить требование реабилитированного.

Соответственно, рассматривая в этих случаях материалы о возмещении реабилитированному вреда, судья вынужден (по меньшей мере, в косвенной форме) подвергать критике принятые им же самим решения, что не только ставит под угрозу ограничения закрепленный в ст. 17 УПК РФ принцип свободы оценки доказательств, в котором воплощается в том числе независимость суда, гарантированная ст. 120 Конституции РФ, но и идет вразрез с вытекающими из ее ст. 46 и 53 требованиями эффективности и справедливости судебной защиты прав реабилитированного.

Однако вопрос о принятии к производству ходатайства осужденного В. о признании за ним права на реабилитацию разрешен судьей Б., ранее при вынесении

постановления от 15 июня 2009 г. уже фактически высказавшим позицию о наличии обстоятельств, не предполагающих реабилитацию.

Суд апелляционной инстанции также указал, что согласно ч. 3 ст. 133 УПК РФ право на возмещение вреда в порядке, установленном гл. 8 УПК РФ, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, в том числе, в отношении которого незаконно избрана мера пресечения².

Комментируя данное дело, следует отметить, что исходя из обстоятельств дела, осужденный В. не относится к категории реабилитированных, перечень которых исчерпывающим образом перечислен в ч. 2 ст. 133 УПК РФ. Поэтому изначально В. обратился в суд с ходатайством, в котором просил признать за ним мнимое, т.е. не существующее право на реабилитацию. Однако, как следует из апелляционного постановления, не исключалось применение к данной ситуации положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Этот вопрос, как и ходатайство В. о признании за ним права на реабилитацию, подлежали рассмотрению по существу в условиях судебного разбирательства.

2. Второе дело иллюстрирует понимание судом наличия формально-юридических условий, достаточных для «запуска» процедур возмещения вреда в случаях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 133 УПК РФ. Принятое судом апелляционной инстанции решение, согласно которому при наличии предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 133 УПК РФ оснований для обращения лица за восстановлением прав и свобод, а также за возмещением причиненного ему вреда, не требуется вынесения отдельного судебного решения в порядке главы 47 УПК РФ, основывается на следующих фактических обстоятельствах.

Постановлением Фрунзенского районного суда г. Владимира от 16 августа 2016 г. отказано в принятии ходатайства осужденного Р. о признании за ним права на реабилитацию и восстановление конституционных прав с возмещением морального вреда.

Суд апелляционной инстанции, оставляя без изменения принятое решение, указал следующее.

Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, установлен ст. 397 УПК РФ, к которым в том числе, относятся вопросы возмещения вреда реабилитированному и вопросы о зачете времени содержания под стражей.

Осужденный Р. просил признать за ним право на реабилитацию и восстановить конституционные права с выплатой компенсации, указывая, что в срок наказания не было включено время содержания под стражей в период с 12 августа по 18 ноября 2002 г.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции признал обоснованным вывод о том, что данное ходатайство не подлежит принятию к рассмотрению по существу, поскольку при наличии предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 133 УПК РФ оснований для обращения лица за восстановлением прав и свобод, а также

² Апелляционное дело 22-116/2018 // Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики № 2 (2018) // СПС «КонсультантПлюс».

за возмещением причиненного ему вреда не требуется вынесения отдельного судебного решения в порядке гл. 47 УПК РФ³.

Приведенная позиция сформулирована апелляционным судом как универсальная, актуальная для самостоятельных, разных по своей юридической природе и конструкции правовых институтов.

Данный подход к толкованию компенсационных уголовно-процессуальных норм гл. 18 УПК РФ, регулирующей с разной степенью детализации две процедуры возмещения вреда — реабилитированному и лицу, пострадавшему от действий должностных лиц в ходе уголовного судопроизводства, — не в полной мере учитывает различия в основаниях возникновения права на возмещение вреда, с одной стороны, у реабилитированного, с другой стороны, у иных лиц, к которым неправомерно были применены меры процессуального принуждения.

Следует согласиться с тем, что для обращения в суд лица, реабилитированного процессуальным актом, указанным в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, с требованием восстановления прав и свобод, а также за возмещением причиненного ему вреда, не требуется вынесения отдельного судебного решения в порядке гл. 47 УПК РФ.

Что касается лиц, к которым неправомерно были применены меры процессуального принуждения, причинившие им вред, то право на его возмещение дает вступившее в законную силу решение суда о признании незаконным процессуального акта, в соответствии с которым применялась мера принуждения. Такое право возникает и при констатации нарушений закона, допущенных в ходе проведения следственного действия. Поэтому при обжаловании в суд действий следователя в связи с производством, например, обыска, для признания его незаконным, корректным надлежит считать и ходатайство заявителя о признании за ним права на возмещение вреда в соответствии с положениями ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

3. На примере третьего дела можно наблюдать позиции судов первой и апелляционной инстанций в части понимания отдельных элементов института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения.

Приговором суда Я. осужден по части 1 ст. 111 УК РФ к 2 годам лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком на 3 года 6 месяцев с возложением определенных обязанностей. В последующем условное осуждение, назначенное указанным приговором, отменено, Я. направлен для отбывания реального лишения свободы в исправительное учреждение, взят под стражу в зале суда.

Президиумом Верховного суда Чувашской Республики постановление об отмене Я. уголовного осуждения отменено, в удовлетворении представления начальника филиала УФСИН об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, в отношении Я. отказано. Осужденный освобожден из-под стражи. Я. обратился в суд с ходатайством о возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации, мотивируя тем, что он длительное время незаконно находился под стражей в местах лишения свободы, до заключения под стражу работал в ЗАО «Промтрактор-Вагон», в результате незаконной изоляции

³ Апелляционное постановление по делу № 22-1776/2016 // Обзор судебной практики Владимирского областного суда № 2 (2016) (утв. Президиумом Владимирского областного суда 20 февраля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

лишился возможности трудиться и иметь доход в виде заработной платы, в связи с чем просил возместить ему имущественный вред в виде утраченного заработка за период незаконного нахождения под стражей.

Постановлением суда требования Я. удовлетворены в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции, отменяя постановление суда, по доводам апелляционного представления прокурора исходил из положений ч. 1 и 2 ст. 133 УПК РФ, согласно которым право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют, наряду с другими лицами, и осужденные в случае полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Осужденный Я. к данной категории осужденных не относился.

В силу ч. 3 ст. 133 УПК РФ право на возмещение вреда в порядке, установленном настоящей главой, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, перечисленным в гл. 12—14 разд. IV УПК РФ.

Исходя из вышеприведенных норм, право на возмещение вреда в порядке реабилитации имеют только участники уголовного судопроизводства, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям, либо незаконно подвергнутые принудительным мерам медицинского характера, а равно иные лица, незаконно подвергнутые мерам процессуального принуждения.

Таким образом, перечень лиц, имеющих право на реабилитацию, является определенным и не подлежащим расширительному толкованию.

Из материалов дела следовало, что право на реабилитацию у осужденного Я. не возникло, поскольку отсутствовали основания для возникновения такого права, так как приговором суда он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Не оспаривая права осужденного Я. на возмещение имущественного вреда в связи с утратой заработка, суд апелляционной инстанции указал, что данный вред возмещается в порядке ст. 1069 ГК РФ, таким образом, требования Я. о возмещении утраченного заработка могут быть рассмотрены в порядке гражданского судопроизводства⁴.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции сделал вывод, что на подобные ситуации не распространяются положения гл. 18 УПК РФ, в том числе предписания ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

При этом позволим себе отметить, что в мотивировочной части апелляционного постановления суд сформулировал не соответствующий положениям УПК РФ вывод о том, что в силу ч. 3 ст. 133 УПК РФ право на возмещение вреда в порядке, установленном настоящей главой, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, перечисленным в гл. 12—14 разд. IV УПК РФ. В части 3 ст. 133 УПК РФ нет подобной отсылки к гл. 12—14 УПК РФ, что позволяет к мерам принуждения относить и следственные действия.

⁴ Апелляционное дело № 2-958/2018 // Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики № 3 (2018) // СПС «КонсультантПлюс».

Главный же вывод, который можно сделать по итогам анализа данного дела, — это неопределенность уголовно-процессуального законодательства в части признания за некоторой категорией лиц права на возмещение вреда, причиненного, например, заключением под стражу условно осужденного, условно-досрочно освобожденного в рамках производства об отмене условного осуждения и условно-досрочного освобождения, и порядка возмещения вреда в указанных случаях.

Проведенный анализ примеров из судебной практики показывает, что, признавая некоторую самостоятельность положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ как одного из оснований возмещения вреда лицу, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения, судьи не рискуют применять их напрямую, считают данную норму жизнеспособной только в совокупности с другими нормами гл. 18 УПК РФ.

Одну из причин такого отношения к основанному на ч. 3 ст. 133 УПК РФ компенсаторному механизму, не поглощаемому институтом реабилитации и не являющемуся его альтернативой, можно усмотреть в следующем.

В текущий момент Верховным Судом РФ не выработаны правовые позиции в части применения норм, предусмотренных ч. 3 ст. 133 УПК РФ. С 2011 г. действует постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию», которое во многом способствовало исключению ошибок в судебной практике и обеспечению ее единства. Но оно не касается вопросов применения ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Это существенно сдерживает правоприменителей в применении норм о возмещении вреда лицам, незаконно подвергнутым уголовно-процессуальному принуждению.

Кроме того, в юридической науке, как это можно судить по имеющимся в открытом доступе источникам, еще окончательно не произошла концептуализация самостоятельности института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением уголовно-процессуального принуждения. Данный фактор препятствует проявлению следующей закономерности развития права, на которую указывает Т. Я. Хабриева: «Сначала в доктрине обосновывается качественно новый институт, затем он внедряется в практику судебных органов (в первую очередь Верховного Суда РФ) и под влиянием подходов судебной практики формируется новое понимание положений действующего законодательства — судебная доктрина»⁵.

Автор статьи надеется, что высказанные в ней суждения и комментарии вместе с опубликованными ранее по этой проблематике работами будут способствовать формированию в доктрине института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением уголовно-процессуального принуждения, с последующим внедрением его в судебную практику.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Головки Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. — М., 2022.
2. Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда РФ / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М., 2023.

⁵ Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда РФ / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023. С. 29.